София Серебрянская

Аромат гниющих лилий

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ты знаешь, почему во дворах госпиталей всегда так много цветов?..

- София Серебрянская
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI

София Серебрянская
АРОМАТ ГНИЮЩИХ ЛИЛИЙ

Глава I

Последнее, что запомнил Армин — бешеный взгляд женской особи и огромную руку, перехватившую трос.

А потом врезались в грудь и ноги ремни, и резко мотнуло в сторону, перевернуло вверх ногами. Даже не страшно — нет сил бояться, когда в ушах свистит ветер, и с невероятной скоростью приближается широкий карниз, тянущийся по краю крыши. Не страшно — только мозг машинально просчитывает траекторию неудачного полёта. Чуть выше — врежешься головой, снесёт половину черепа. Чуть ниже — сломаешь шею. Да даже если чудом минешь опасный участок — размажет, переломает все кости… Но вместо карниза — сжимающаяся обжигающе горячая ладонь, треск ломающихся костей. Боль. Запоздалый страх — настолько сильный, что лучше бы и вправду сразу размазало.

Пальцы сжимаются. Что там так треснуло — рёбра, рука?.. Перед глазами — перевёрнутый мир. Как же это нелепо — умирать, повиснув вниз головой.

Из пасти женщины-титана пахнет кипящей кровью. И гнилью.

Распахнутая пасть приближается. Кровь приливает к голове, стучит в висках. Перевёрнутый мир окрашивается в мелькающие чёрно-фиолетовые круги. Уже ничего не видно, ничего не ясно. Мелькают только отдельные куски воспоминаний.

Челюсти с хрустом смыкаются. Слышен чей-то крик.

Стальная хватка отчего-то ослабевает. Мелькают этажи — пятый, четвёртый, третий…

Удар об землю. Мысли вышибло вместе с дыханием. Слабый, сдавленный, будто говорящего тошнит, голос сквозь чёрно-фиолетовую пелену:

— Армин! О, Господи…

Провал.

Потолок с низко нависшими деревянными балками. Свет в окне. Острый цветочный запах — настолько острый, что начинает подташнивать. Чёрно-фиолетовая тень всё ещё пляшет перед глазами, путается в солнечных лучах. Слабые отголоски слов — как сквозь толщу воды:

— … Невозможно восстановить. Необходима операция, иначе не избежать заражения…

Пытаешься подать голос, но чёрно-фиолетовая тень вновь накрывает с головой, топит свет внутри. Давит в зародыше любую попытку хотя бы пошевелиться, садится на грудь и пьёт дыхание — до самого дна, оставляя лишь жалкий хрип.

И, наконец, отпускает.

За окном — вечер. Сквозь неширокое окно видно небо — насыщенно-синее, без единого облака. Только над крышами оно чуть светлее. Кажется, город не разрушен до основания. Тело лёгкое и слабое — настолько слабое, что Армин отвёл взгляд от картины за окном, увидел покоящиеся поверх тонкого одеяла бледные руки. Дышать стало немного легче. Не сожрали. Странно, он ведь был уверен — челюсти женщины-титана сомкнулись… Наверное, шутка больного воображения. Он жив, это точно. Будь на его месте верующий идиот, он бы ещё посомневался — а может, он в Раю? Слишком сильно пахнет цветами и неестественной стерильностью. Но Армин не верил, что загробный мир может быть так похож на обыкновенный госпиталь. Палата крохотная, кажется, здесь только и уместилось, что узкая койка да окно с широким подоконником — наверное, поэтому он здесь один.

Тяжёлая дверь слегка скрипнула, и Армин повернул голову. Пол и потолок закачались, грозясь поменяться местами, в затылке что-то сильно заныло. Но хватило сил различить фигуру сестры милосердия в длинном тёмно-сером платье, с белой повязкой на лице.

— Очнулся.

Голос сухой и бесстрастный. Как и у любого человека, который каждый день любуется на искалеченных, больных, мёртвых. У любого солдата. У любого медика. Если каждую боль чувствовать, как свою собственную, можно попросту рехнуться. И всё же вопрос, волнующий больше всего, сам срывается с губ:

— Когда я смогу снова сража…

Пустой, равнодушный взгляд светло-серых глаз.

— Нужно сменить повязки.

Откинутое одеяло. И странное, полуреальное зрелище. До колена — всё те же привычные, тощие ноги, кое-где оставили багровые следы врезавшиеся в кожу ремни. Ниже — смятая, бело-серая простыня. И граница — бинты, потемневшие от засохшей крови.

Смутные воспоминания толпятся в голове, натыкаясь друг на друга. Смыкающиеся челюсти женщины-титана. Хруст разрываемой плоти. Мгновение боли.

Картинка сложилась, вспыхнула в мозгу особенно остро. Ухмыляющаяся чёрно-фиолетовая тень снова сомкнула душащие объятия.

Глава II

Госпиталь святой Розалии снаружи смахивал на жилище богатой старухи, которой нечем себя занять, кроме светских бесед и неспешных прогулок: старинное каменное здание с узкими окнами утопало в белоснежных лилиях и кустах сирени. Ещё на подходе в нос забивался дурманящий, слишком сильный аромат. Высокая каменная ограда, увитая зеленью, ажурная решётка ворот, вымощенная белым камнем дорожка, ведущая к дверям.

Шаг за дверь — шаг в иную реальность. Реальность, где лежат вповалку искалеченные люди — не всем хватило кроватей. Солдат, гражданский — войне без разницы, кто попался под руку.

В маленькой душной комнате у самого чердака нашлось место для какого-то торговца, все травмы которого исчислялись лишь жалкими ушибами. Армина же быстро перевели сюда — в общую палату. Бросили в углу, на полу, подстелив застиранную простыню с коричневатыми разводами.

Здесь пахло лилиями — и сладковатой, тошнотворной гнилью. Сиренью и рвотой. Лекарствами, грязным тряпьём и пылью. И больше не было окна. Только глухая стена — и лежащие рядом обрубки людей.

Мысли?.. Чувства?.. Ничего. Только монотонные, серые дни, наполненные своей и чужой болью. Только кошмары — и ничего больше. Смерть. И ярость, глухая ненависть к самому себе, к титанам… Наяву — те же сны. Тени сменяют друг друга, исчезают, тают где-то вдалеке.

Истерично кричащая женщина, отвесившая ему пощёчину:

— Вы должны были защищать нас, а не жертвовать нами! Моя дочь… моя бедная девочка…

Звенящий, режущий голос Микасы:

— Вы хотите их вылечить или похоронить?! Нельзя содержать больных в таких жутких условиях!

— Нам не хватает ни места, ни лекарств. Слишком много жертв. Между прочим, по вашей милости!

Иногда не ясно, приходил ли кто-то на самом деле, или приснился в череде бесконечных кошмаров. А может, приснилась вовсе вся жизнь. Теперь Армин уже сомневался в том, что выжил в бою. Быть может, он уже мёртв, просто места в Раю ему не нашлось.

Быть может, так на самом деле выглядит Ад.

* * *

Армин лежал на полу, уткнувшись лицом в стену, и ощупывал её прохладную поверхность — так, словно это была не простая каменная кладка, а крайне любопытная головоломка. Исхудавший. Бледный.

Эрен нервно сглотнул, останавливаясь рядом. Пялиться на чужие увечья по меньшей мере неприлично, но он не мог отвести взгляд, рассматривал снова и снова, пытаясь уложить в голове короткую, безжалостную мысль.

Армин больше никогда не сможет ходить.

Если бы он принял форму титана чуть раньше, если бы смог подавить неуместные эмоции, его лучший друг сейчас стоял бы в строю, а не корчился на полу госпиталя, не замечая никого и ничего. В том числе прихода Эрена.

Голос отчего-то сел. Что сказать? Как говорить теперь?.. Мне очень жаль? Прости? Почему-то казалось — слова придут сами, когда он увидит Армина. Увидев же, он потерял даже те жалкие остатки, что придумывались по пути. В конце концов, он присел рядом и еле слышно шепнул:

— Привет, Армин.

Еле слышно — но тот, кому слова предназначались, услышал и, вздрогнув, медленно обернулся.

Раньше Эрену казалось — он уже знает, что такое страх. Он смотрел в глаза титанам, он видел чужие смерти, он видел всё! Но по-настоящему боялся он сейчас, ожидая от друга детства каких угодно слов. Криков. Обвинений.

— Чем закончился бой? Вы поймали её?

Каких угодно — но не жёсткого, спокойного тона, изо всех сил скрывающего волнение. Эрен нервно сглотнул, подавляя порыв хорошенько встряхнуть друга, привести в чувство. Никогда, даже в самые ответственные моменты, он не говорил так. Один взгляд в глаза — и тут же снова в пол. Нет. Не скажет. Оказывается, на простой разговор может понадобиться больше сил, чем на самую серьёзную битву.

— Чем закончился бой?! — настойчивее повторил Армин, вцепляясь пальцами в край простыни. — Не молчи! Микаса не успела сказать. Вы захватили женскую особь?!

— Тише, — шикнула проходящая мимо сестра милосердия. — Вы здесь не одни. Не мешайте отдыху пациентов.

Шикнула — и снова испарилась, только послышался едва ощутимый шелест серого платья. Эрен молчал, открывал рот, собираясь начать, давился словами — и они слетали с языка в виде невнятного, затянувшегося кашля. Мешали потемневшие повязки, кажется, вросшие под кожу, мешало простое понимание, насколько неисправимо подобное увечье.

— Нет. Я уничтожил оболочку, но… мы не смогли. Она заточила себя в какую-то капсулу, которую никак не могут вскрыть, и…

Если бы в мире существовала справедливость, то сейчас в голову должна была прилететь молния. Лучше — несколько. Или прицельно рухнуть одна из балок, поддерживающих потолок, и раздавить в лепёшку. Да что угодно, лишь бы перестать смотреть на изуродованные обрубки, лишь бы не продолжать.

— «Мы» не смогли? Может, это ты не смог?

Говорят, на правду обидеться невозможно. Враньё. Справедливые упрёки ранят намного сильнее, чем беспочвенные обвинения. Он-то успел наслушаться и того, и другого.

— Я… я смог преобразиться только… только тогда, когда она тебя схватила. Я испугался, что она убьёт тебя, хотел защитить, но, но…

Слова вылетали торопливо, поспешно, одно за другим. И, кажется, не достигали цели. Армин уставился в потолок, словно не слыша. Или попросту не слушая.

— Ты подвёл меня. Всех нас. Всех их.

Армин не уточнил кого именно — их. Да и не стоило. Эрен старался не смотреть по сторонам, на глухие, полные боли взгляды изувеченных, переломанных людей. Они этого не заслужили. Никто не заслужил. Но разве он сам этого хотел? Разве здесь только его вина?!

Усталый, измученный взгляд.

— Уходи.

— Но…

— Уходи! — громче повторил Армин. Недоброжелательный взгляд очередной женщины в сером — они похожи друг на друга. Как будто сёстры милосердия — такая же бездушная часть госпиталя, как каменная кладка, деревянные балки, пахнущие чем-то неприятным простыни. Как тошнотворный цветочный запах, перебивающий запахи болезни и смерти.

— Я уйду. Но я ещё вернусь, обещаю.

Равнодушие. Остекленевшие, пустые глаза, уставившиеся в одну точку. Если бы не слабо подрагивающие руки, не вздымающаяся грудь, можно было бы подумать, что перед ним — мертвец. Эрен с трудом отвёл взгляд и направился к выходу. Две мысли — всего две.

Армин больше никогда не сможет ходить.

Он больше никогда не сможет смотреть Армину в глаза.

Глава III

Сквозь плотно переплетённые ветви деревьев почти не видно неба: только изредка мелькал и тут же исчезал заплутавший луч солнца. Земля покрыта небольшими пятнами тусклого света. Под ногами — тёмно-зелёная трава. Впереди маячит фигура в униформе Легиона Разведки: не оборачивается, лишь спешит куда-то. Он идёт следом. Идёт?.. Воспоминания мелькают в голове, но стремительно тают, словно их и не было. Остаются только чёрное и белое крыло, едва различимые в полумраке.

— Постой! — Армин бежал, спотыкался, падал, но вставал снова и снова. Отчего-то хотелось нагнать неизвестного солдата, сдёрнуть с его головы капюшон, посмотреть на лицо. Кто этот человек? Почему это так важно?..

Вот, наконец, они поравнялись. Лёгкий шелест то ли ткани плаща, то ли листвы — и солдат обернулся. Удивлённые, широко распахнутые карие глаза смотрели в упор. Ничего необычного или даже жуткого. Если бы не память. Память, исчерченная кровью.

— Но ты же… — растерянный шёпот не сильно смутил девушку. Она улыбнулась — светло, успокаивающе.

— Пойдём. Не стоит останавливаться.

Может, он ударился головой, и всё, что произошло после — плод больного воображения? Может, он валялся без сознания, а теперь очнулся? Но почему они здесь, в лесу, совсем одни? Где все остальные?

— Пойдём, — повторила Петра. — Я должна отвести тебя к ним.

Прозвучал ли последний вопрос вслух? Может быть. Мир вокруг расплывался, тонул в дрожащем полумраке. Нереальный, зыбкий. Кажется, дотронешься рукой — и расползётся, как истлевшая дырявая занавесь. Нужно идти.

Деревья расступаются: впереди поляна с раскинувшимся на ней лагерем. Армин смотрел по сторонам, видел знакомые лица, беззвучно повторял имена, с каждой секундой всё сильнее понимая невозможность происходящего. Он замер у границы поляны — и Петра удивлённо посмотрела на него:

— Что-то не так?

— Вы мертвы, — голос дрогнул. Нет. Не бояться, продолжать, говорить дальше. — Вы все погибли.

Петра пожала плечами, протянула руку, сжала запястье Армина, точно в тисках. Холодная, липкая, неподатливая ладонь. Сотни глаз теперь смотрели прямо на него.

— Твоё место — с нами. Мы ждали тебя, а ты не явился. Как это понимать?.. Может, ошибка?

— Ошибка? — глухо переспросил Армин, толком не слыша собственного голоса. Бояться не получалось, слишком происходящее походило на абсурд. Загробного мира нет, как бы ни хотелось верить в обратное. Мёртвые не возвращаются, чтобы увести за собой живых.

Лес вокруг начал таять, сменяясь широкой городской улицей. Армин стоял — и не мог отвести взгляд от возвышающейся над домами женщины-титана, от маленькой человеческой фигурки в её руках. Безумный рёв — и она легко, будто не прилагая усилия вовсе, разорвала солдата напополам, со всей силы швырнула об землю. Разодранное тело рухнуло неподалёку, размазалось по мостовой кровавой кляксой. Верхняя половина — на левой стороне, нижняя — на правой. Между ними — розовато-багровая дорожка вывалившихся внутренностей. Армин приближался к телу на негнущихся ногах: он уже знал, чьи глаза будут смотреть на него с остатков треснувшего, залитого мозгами и кровью лица.

— Это ложь. Она не убила меня. Я жив. Жив!

— И что в этом хорошего? — Петра передёрнулась: её голова качнулась на переломившейся шее, откинулась назад, почти касаясь затылком лопаток. Даже у мёртвой глаза продолжали смотреть, смотреть неодобрительно, словно он сказал нечто кощунственное. — В нашем мире нет титанов, Арлерт, нет войны. Скоро с нами будут наши друзья, наши семьи — все до одного…

Голос постепенно затихал, отдалялся. Колени подломились, стремительно ослабнув. Армин уже не смотрел вниз: он знал, что увидит ставшие почти привычными обрубки, не похожие на человеческие конечности.

Город вокруг горел.

Тела теперь покоились повсюду: никто и не думал убирать их с улиц. Или просто некому? Жан, у которого в щели расколотого черепа копошились личинки мух. Одиноко развевался на ветру красный шарф Микасы, неподвижно застывшей у стены: сквозь развороченную грудную клетку видны обнажившиеся рёбра. Голова командора Эрвина, валяющаяся в стороне от раздавленного рухнувшей стеной тела. Тяжёлый, душный запах горящей плоти и гнили. Слишком хорошо знакомый запах.

Все мертвы. Все до одного. Он один посреди мёртвого города, по которому мрачными тенями слоняются уродливые фигуры титанов. Он один — и не может встать, не может уйти, не может помешать им…

Чёрная тень накрывает с головой. Эрен, всё-таки принявший форму титана. Облегчённый вздох не успевает сорваться — он

запрокидывает голову и рычит. В горящих зелёных глазах — ни следа разума.

— Эрен… Эрен, очнись! Ты… ты не узнаёшь меня? Эрен!

Титан ухмыляется — и заносит руку, как будто намереваясь прихлопнуть надоедливое насекомое. Врываются в мозг беспощадные голоса мёртвых товарищей:

— Ты бесполезен.

— Ты не сможешь никого спасти…

И лишь за ничтожное мгновение до того, как рука титана опускается, Армин вырвался из оков кошмара. Вырвался — и долго смотрел в потолок, пытаясь отдышаться. На щеках мокро. Пот? Слёзы?..

— Почему вы плачете, мистер? Вам больно?

Чуть в стороне, на такой же грязной простынке, пристроилась девочка с забинтованной рукой. Наверное, у её родителей не нашлось денег, чтобы заплатить за более приличные условия для малышки, а может, у неё и вовсе нет родителей. Из всех людей, лежащих вокруг, она одна обратила внимание на чужую боль. Как будто ей мало своей.

— Как тебя зовут? — силясь забыть жуткие картины сна, прошептал Армин. Малышка подползла ближе, широко улыбнулась:

— Агни. Вы не видели моего папу? Он высокий, очень, а волосы у него как у меня, и ещё усы, — для большего сходства девочка подцепила здоровой рукой прядку тёмных волос и приложила к губам. — Он пошёл в церковь. Сказал, что скоро придёт. Когда всё рушилось, я испугалась и убежала, а потом мне сказали идти сюда, потому что так папе будет легче меня найти. Я уже давно жду, а его всё нет и нет!

Армин молчал. Молчал, понимая: шанс, что мужчина просто потерял свою дочь и не может отыскать, почти нулевой. Самое вероятное — отец Агни погиб, пытаясь отыскать её после появления женской особи. Девочка, правильно поняв молчание, грустно протянула:

— Ну вот… Его почему-то никто нигде не видел. Но папа же придёт за мной, правда? Папа слишком любит меня, он не бросит меня здесь… Ой, уйди уже!

Последняя часть фразы относилась к наглой жирной мухе, попытавшейся сесть девочке на нос. Жужжа, насекомое переместилось на стену. Армин занёс руку, чтобы прихлопнуть его — и вздрогнул. Вспыхнули где-то в памяти безумные глаза Эрена, поднятая для удара рука. Нет. Титана.

Муха улетела куда-то в сторону — туда, где Армин при всём желании не смог бы её достать. Ничего страшного.

Пусть она и просто насекомое… даже мелкие твари хотят жить.

Глава IV

Присохшие повязки отдираются с трудом — кажется, легче содрать лоскут кожи. Там, под бинтами, невыносимо чешется, почти горит. Сильнее боли, сильнее разума — только желание прекратить невыносимый зуд. Армин стискивал зубы, приказывал себе терпеть — и снова скрёб неаккуратные швы, покрытые жёсткой коркой, сдирал её и кусал губы, чтобы не взвыть в голос. Под ломающимися, содранными ногтями расходились края ран, расползались тонкие повязки. Внутри словно поселилось что-то мелкое, копошащееся, щекочущее. Например, личинки мух, вгрызающиеся в плоть изнутри. Армин поднял руку — и зажмурился, чтобы не видеть засохшую кровь, забившуюся под ногти.

Нужно терпеть. Держаться. Когда заживёт — станет легче. Если расчёсывать — занесёшь инфекцию. В такт этим словам всегда киваешь, не задумываясь: они невыполнимы. Трясущиеся руки сами собой тянутся к зудящим местам, впиваются в плоть не хуже зубов титана — и раздирают так же беспощадно. Боль, которую почти жаждешь, чтобы заглушить ею другую — ту, что гораздо хуже. И почти ненавидишь того, кто перехватит нервно сжимающиеся пальцы на полпути, скажет настойчиво и мягко, будто приказывая и умоляя одновременно:

— Не надо.

Кажется, эта рука реальна — как реальны внимательные зелёные глаза, смотрящие почти в упор. Эрен. Снова.

— Отпусти.

— Если не будешь чесать — пущу.

— Не буду.

Пальцы, сдавливавшие оба запястья, разжались. Армин устало выдохнул, отворачиваясь. Повисла тишина, как и во время их первого разговора. Тишина, пахнущая пыльным полумраком, от которого свербит в носу, болят привыкшие к свету глаза.

— Я тут перекусить принёс, а то тебя тут, по-моему, плохо кормят, — лёгкий тычок под выступающие рёбра, нарочито весёлые интонации. — Давай, бери. Я что, просто так всё это тащил? Между прочим, у Саши отвоёвывал…

— Лучше бы я умер.

Эрен подавился остатком фразы, замер. По крайней мере, теперь нет этой невыносимой притворной радости. Не чувствуешь себя разбившим коленку ребёнком, вокруг которого, дурачась, скачет сюсюкающий взрослый. Все слова почему-то кажутся фальшью. Как можно радоваться? Чему?..

В плечи вдавились чужие пальцы — даже немного больно. Эрен говорил, и с каждым словом яростный огонь в глазах полыхал всё ярче:

— Ты можешь говорить что угодно. Можешь мне врезать, если хочешь. Но не смей… не смей сдаваться. Хватит себя жалеть! Знаешь, сколькие погибли? Сколькие ещё погибнут?! А ты — ты жив, и…

— Что со мной будет?

Беспомощность. Растерянность. Будто ведро холодной воды, выплеснутое на разгорающееся пламя.

— Что со мной будет? — повторил Армин, опираясь на плечо Эрена. — У меня нет даже собственного дома. Я не смогу больше сражаться. Если вообще отсюда выйду. Знаешь, сколькие лежали здесь, рядом? А сказать, сколькие ушли? Скольких унесли?!

Уже не слова — крики, на которые оборачивались все, кто мог позволить себе такую роскошь. Не слова — обнажённое отчаяние, слишком долго копившееся внутри. Он не чувствовал себя, не чувствовал мира вокруг, не помнил, что говорил дальше. Полумрак сгустился, окружил тяжёлым, пульсирующим туманом. Армин тонул в нём, всё слабее слыша, как со стороны, собственные короткие выкрики, на какие только хватало воздуха. Уже не связные предложения — невнятные звуки на одной ноте, тот же нечеловеческий вой. Так проваливаешься под воду — понимая, что кричишь, но не слыша толком, только заливается в горло жидкий холод.

Пощёчина. Словно рывок к поверхности. Несколько мгновений Армин лишь судорожно хватал ртом воздух. Сил не осталось, и он устало повис на руках Эрена. Кажется, плакал, беспомощно, совершенно по-детски утыкаясь лбом в плечо. Лишь бы забыть, пусть на секунду, но забыть. Почувствовать тепло — не привычный душащий холод и тишину.

А жёсткие ладони тем временем ерошили спутанные волосы, аккуратно перебирали тонкие пряди. Обнимали крепко, едва ли не силой вынуждая принять чужое тепло, оставить попытки отогреться в одиночестве.

— Я не знаю, что будет потом, Армин. Не знаю. Одно могу сказать точно: я тебя не оставлю. Я не дам тебе вот так запросто сдаться. Ты будешь бороться. Будешь жить.

Слишком крепко, слишком близко, слишком долго. Словно они срослись воедино, не в состоянии оторваться. Глупое, отчаянное и такое пустое, если бы вдруг всё же прозвучало: «Ты мне нужен». Лёгкое прикосновение жёстких обветренных губ к виску — и Армин вздрогнул, стряхивая побежавшие по спине мурашки. Слишком. Близко.

Эрен отстранился — кажется, даже покраснел. Хотелось удержать, продлить мгновения тепла — а может, и большего, чего-то, что Армин даже сам пока не мог понять. Самообладание постепенно возвращалось к нему. Нет. Не думать о странной мысли, мелькнувшей где-то на задворках сознания — прижаться ещё сильнее, ловить губами чужое дыхание, гладить по спине, целовать… Целовать?!

— Тебе… тебе всё-таки нужно немного поесть.

Армин сделал глубокий вдох, зажмурился, вытряхивая из головы безумно странные образы и чувства. Может, он сходит с ума? Такое можно подумать о девушке — о любимой девушке. Никак не о лучшем друге. Правильнее сделать вид, что всё в порядке, что ничего не произошло. Да ведь и не произошло, по сути дела.

— Ты прав. Пожалуй.

После Армин задумчиво грыз слегка чёрствый хлебец — не иначе как из пресловутых запасов Саши, о которых впору было складывать легенды — и старательно гнал от себя неясные, странные размышления.

Что такое, в сущности, «девушка», «возлюбленная»? Абстрактный, пустой образ, лишённый жизни. Мёртвая, выдуманная картинка. Ради какой-то там ожидающей в отдалённом будущем «девушки», пусть даже «любимой», не хотелось ни сражаться, ни жить.

Но стоило хотя бы попытаться. Ради Эрена.

Глава V

Свету, бьющему в глаза, радуешься недолго, стоит лишь понять: рушится отделяющая тебя от остального мира стена. Армин едва сумел откатиться в сторону, и его обдало каменной крошкой и пылью: кольями вздыбились доски проломленного пола. Кому-то повезло меньше: чуть в стороне дёргалось нечто, больше похожее на раздавленного жука, чем на человека.

— По… мо… гите…

Сердце панически колотилось — так быстро, словно пыталось вырваться из опутывающей сетки вен и артерий, сбежать, оказаться как можно дальше. Титаны. Откуда они здесь — да неважно! Бежать. Бежать, скрыться! Только как, как, чёрт возьми?! Армин беспомощно посмотрел на волочащиеся за ним мёртвым грузом остатки ног.

Пахло кровью и лилиями.

Те, кто ещё мог, бежали — бежали от огромной руки, начавшей протискиваться через пролом в стене. Армин перевернулся на живот, вцепился руками в пол, подтягивая непослушное, будто одеревеневшее тело. Бесполезно. Далеко так не уйдёшь. И всё же он продолжал ползти, даже когда из-под содранных ногтей потекла кровь, продолжал цепляться за пыльные застиранные простыни и шероховатое дерево. В кончики пальцев врезались мелкие занозы.

Сбежать. Скрыться. Только не титаны. Только не здесь. Как они прорвались сквозь стены?! Если они за стеной Сина — значит, всё кончено. Стены потеряны. Их всех сожрут, всех до единого.

Обрывающиеся крики, хруст и треск… Не видеть. Не слышать.

Рука подбирается ближе, бесцеремонно обхватывает, волочёт к себе. Армин повторял про себя, что помощь придёт, повторял, не открывая глаз. Веки дёргались, норовя разомкнуться. Нет. Не видеть. Не смотреть.

Горячее дыхание титана, обдающее паром.

Всё кончено.

Армин открыл глаза — и не увидел света. Сердце, отыгрываясь, замерло, чтобы через пару секунд продолжить биться. Абсолютно целая стена госпиталя, спокойно спящие пациенты. Ночь. Сон. Очередной кошмар, настолько реальный, что хотелось по-детски расплакаться от облегчения.

— Всё в порядке, — шепнул самому себе Армин — просто чтобы услышать собственный голос и убедиться в реальности

этой ночи, дыхания спящих пациентов рядом и далёких болезненных стонов какого-то почти полностью перебинтованного бедолаги. Спать больше не хотелось. Там, за чертой сна, живут все его тайные страхи, которые он старательно гонит от себя днём. Ждут, пока он снова окажется в их власти.

В душном ночном воздухе пахло кровью и лилиями.

* * *

Госпиталь невозможно потерять — хотя бы потому, что резкая цветочная вонь ощущается ещё за пару кварталов. Эрен чихнул и потёр нос: как вообще можно дышать этой дрянью круглые сутки? Ещё на подходе хотелось прихватить с собой немного чистого воздуха, несущего запахи полуденной жары и свежей выпечки из ближайшей кондитерской.

Город живёт, будто не замечая разрушенных домов и не помня недавних смертей. Только изредка натолкнёшься взглядом на плачущую женщину, на нервно переговаривающихся торговцев — и даже в этом малоприятном зрелище почувствуешь жизнь.

В госпитале святой Розалии время остановилось.

Армин почти не изменился с их последней встречи — лишь ещё сильнее похудел, лишь проступили под глазами тёмные круги и ввалились щёки. Кажется, он даже не поменял позу — всё так же полусидел, опираясь на локти и привалившись спиной к стене. Он смотрел прямо перед собой, и лишь слабо кивнул, услышав робкое приветствие.

Каково это — лежать здесь день за днём, наедине со своими мыслями? Справился бы он сам с мыслью, что никогда не сможет больше сражаться с титанами, никогда не сумеет даже встать? Эрен передёрнулся от короткой мысли: «Я бы рехнулся».

— Ты как?

Глупый, дежурный вопрос. Такие слова всегда вырываются, когда не знаешь толком, что сказать, как подбодрить, и пытаешься поймать хоть одну из разбегающихся мыслей. День за днём — один и тот же потолок с протянувшимися деревянными балками, полумрак, стоны и крики других больных… Страшно. Не лучше, чем на поле боя. И такая духота… наверное, он хотел бы вырваться, освободиться. Вот и решение.

— Армин, может, прогуляемся?

Взгляд бьёт наотмашь — непонимание, даже лёгкая обида. Звучит и в самом деле странно — Эрен никогда не умел подбирать слова.

— Я тебя понесу.

— Покидать территорию запрещено! — словно из воздуха, за спиной возникла одна из местных «призраков» в серых платьях. Они решительно не нравились Эрену. Конечно, ежедневно сталкиваясь с чужими болезнями и смертью, сложно не стать циником, но всё же как хочется размазать по стенке тех, кто вспоминает о больных лишь тогда, когда те собираются нарушить какие-нибудь надуманные правила!

Армин не ответил — лишь потянулся к нему, прижался к спине, крепко обхватил плечи. Эрен нашёл в себе силы ободряюще улыбнуться, гоня невесть откуда возникшую дрожь. Он таскал лучшего друга на спине когда-то в детстве, когда Армину случилось подвернуть ногу — и хорошо запомнил, каким тяжёлым показался вроде бы мелкий мальчишка. Сейчас же — слишком легко. Пугающе легко.

Он предпочёл бы унести Армина как можно дальше отсюда, в те части города, куда не добирается липкий запах чёртовых лилий. Чтобы друг тоже вспомнил, как пахнет живой воздух, не отравленный мерзкой вонью. Но мог лишь вынести на свет, туда, где «аромат» был ещё сильнее.

По крайней мере, здесь светло.

Армин щурился, отводил взгляд — за время, проведённое в полумраке общей палаты, он успел забыть, сколь ярким и беспощадным бывает солнечный свет. Тощие, отдающие синевой руки с силой цеплялись за плечи, и постепенно уходило ощущение лёгкости. Странно — уставать и одновременно чувствовать облегчение. Так забываешь, сколь беззащитен сейчас тот, кого он так хотел защищать.

— Эрен, тебе когда-нибудь снились кошмары?

Вопрос прозвучал неожиданно в звенящей, жаркой тишине. Эрен растерянно покосился на друга, не зная, что ответить. Ему вообще не снились сны — почти никогда, может, только пару-тройку раз. Обычно он проваливался в сон, как в бесконечную черноту, и порой казалось, будто между засыпанием и пробуждением не минуло ни единой секунды. Но, если вспомнить пресловутые исключения…

— Иногда бывает.

Армин прижался щекой к плечу. Дрожь — мелкая, едва ощутимая. Эрен закусил губу. Больше всего на свете он ненавидел чувствовать себя беспомощным. Титаны материальны; пусть с трудом, но с ними можно разделаться. По крайней мере, в это он верил. А как бороться со страхом, который невозможно схватить и разорвать надвое, растоптать, проткнуть мечом? Особенно если это не твой собственный страх.

— Я не помню, когда в последний раз спал. Не хочу снова

видеть смерть. Мою смерть. Каждый раз по-разному, но всегда конец один и тот же.

— Ну, конец у всех один и тот же, — Эрен попытался усмехнуться, но вышло невесело. — Просто кто-то подыхает в постели, а кого-то сжирают титаны.

Армин дёрнулся, словно от удара, и Эрен сообразил, что сморозил очередную глупость. Армин никогда не вёл себя так. Словно каждое слово не улетало в воздух, а вонзалось в обнажённые нервы.

— Эй, я ни на что не намекал.

— Я здраво оцениваю свои перспективы, — слишком серьёзный голос, чёткие, режущие слова. — Либо я стану обузой для тебя и остальных, либо умру.

— А варианта, что ты не так уж бесполезен, у тебя нет?! — Эрен почти злился; хотелось повернуться, посмотреть другу в глаза. — Мозги-то тебе не откусили! В конце концов, на инвалидной коляске ты сможешь передвигаться сам — ты же можешь сидеть? Так что «подыхать в постели» — точно не про тебя. У тебя будет жизнь — нормальная жизнь, так что нечего раскисать.

Эрен замолчал, переводя дыхание. Он не ждал ответа. Армин зажмурился, устало выдохнул.

— Я не увижу мир за стенами.

Покачивались на ветру густые гроздья пахучей сирени. Солнце спряталось за облаком, и стало чуть темнее.

— Увидишь. Там же не обязательно ходить пешком. В конце концов, пристроишься в телеге. А если где-то будет не проехать — я просто тебя потащу.

Ведь они сражались с титанами ради мира за стенами — неведомого и потому прекрасного. Порой Эрену казалось: Армин забыл, оставил себе лишь усталость и стремление одолеть титанов. Нет. Помнит.

В глубине сада скрывалась старая каменная скамья, где Эрен осторожно пристроил лучшего друга: сколько ни говори о лёгкости, а спина явно имела насчёт переноски людей совсем другое мнение. Сам он сел рядом, запрокидывая голову и вглядываясь в пронзительно-голубое небо с редкими обрывками облаков. Смотрел — и успокаивающе сжимал дрожащую ладонь Армина, сжимал неосознанно, не задумываясь о том, положено ли так успокаивать или нет.

— Эрен… — едва начав говорить, он осёкся, будто разом растерял заготовленные слова и теперь мучительно пытался их вспомнить. Эрен ждал. Ему казалось — сейчас он услышит что-то важное, слишком сильно вцепились в руку бледные пальцы,

слишком умоляюще смотрели голубые глаза — совсем близко, стоит только наклониться, и столкнёшься лбами. На губах застыл слабый отголосок чужого дыхания. Они сближались — медленно, сами того не замечая, гипнотизируя друг друга взглядом. Армин облизнул пересохшие губы и шепнул:

— Ненавижу лилии.

Снова кончились слова. Наверное, им тоже не нравится запах лилий и сирени, вот и разбегаются во все стороны. Они снова молчали, но прежнее напряжение постепенно развеивалось. Может, таяло на солнце, как кусок брошенного на сковородку масла.

Эрен смутно понимал, что происходит: голова кружилась то ли от резкого цветочного запаха, то ли от искусанных губ, слабо соприкоснувшихся с его собственными. Он часто представлял себе свой будущий первый поцелуй, но никогда — как неуверенное соприкосновение губ, больше похожее на отчаянный крик о помощи.

«Ты мне нужен».

Глава VI

— Армин, я думаю, тебе стоит знать правду.

Такое начало разговора всегда настораживает. В какой-то степени — даже пугает. Разве станут так серьёзно смотреть, собираясь сообщить хорошую новость? Эрен сидит рядом и любуется на потолок, пол, стены, лишь бы даже случайно не встретиться взглядами.

— Я хочу поговорить… ну, о том, что случилось в саду. Ты понимаешь, о чём я, да? В общем… об этом.

Его голос звучит неуверенно, дрожит при каждом новом слове. Эрен — не оратор, это уж точно. Армин привстаёт, опираясь на локоть, пытается заглянуть в глаза — и друг детства отворачивается, жмурится, губы кривятся в неловком подобии улыбки.

— Ты поймёшь. Мы… мы ведь друзья, так что надеюсь, поймёшь. В общем… не делай так больше, пожалуйста.

Сердце, до того колотившееся слишком быстро, замирает так резко, что перехватывает дыхание. Кажется — вовсе остановится. Всё правильно. Ошибка. Просто ошибка. Нужно собраться с силами, понять. Армин никогда не считал себя идиотом, так почему позволил надеяться на что-то? Нужно улыбнуться в ответ, сказать что-нибудь дружеское, нужно…

— Тебе было неприятно?

Слова вырываются сами, пусть и хочется зашить себе рот, поймать их в воздухе и затолкать обратно в глотку. Пусть даже подавиться ими и задохнуться. Замолчать, пока ещё можно обратить всё в шутку. Пока они ещё могут остаться друзьями.

— Неприятно?.. Чёрт возьми, это было попросту мерзко! — Эрен скривился, будто его неожиданно затошнило, и тут же торопливо натянул прежнюю напряжённую улыбку. — Я… извини… я хотел сказать, что мне никогда не нравились парни. Я думал, ты тоже нормальный, а не долбанный извращенец.

Каждый вдох даётся с трудом, будто под рёбра раз за разом вонзается тупая раскалённая игла. «Мерзко». «Я думал, ты нормальный». И всё, на что можно было надеяться, рассыпается, как карточный домик.

— Если уж честно, я просто не хотел тебя расстраивать, — Эрен пожимает плечами, отодвигается в сторону. — Но, с другой стороны, я бы тоже второй раз не выдержал — точно бы тебе врезал. Лучше уж сказать. Ты же сильный, так что… выдержишь. Ладно, мне пора. Я кое-что обещал Микасе, так что…

Уходит. А под рёбрами уже не жжёт — наоборот, становится

холодно. Холодно и пусто, словно грудную клетку вскрыли и обложили ещё трепыхающееся сердце кубиками льда. Дрожащие пальцы слабо загребают густой воздух, пахнущий лилиями. Голос разума, раньше всегда помогавший в безвыходных ситуациях, теперь просто смеётся — смеётся над ним.

Эрен больше не придёт.

А потом Армин открыл глаза. Открыл — и долго, не моргая, всматривался в знакомый потолок, на котором уже изучил каждую трещинку. Кошмар, очередной кошмар, пусть на этот раз и без крови и титанов. Во снах нет ничего жуткого, они исчезают, стоит только захотеть проснуться. Армин уговаривал себя, кажется, даже беззвучно шептал разумные слова — а внутри постепенно раздувался ноющий ком, поднимался вверх по горлу, до боли сдавливал лёгкие. Он отвернулся к стене, стиснул зубы, пытаясь успокоиться — и смог лишь на пару мгновений удержать выступившую на глазах влагу, чтобы после беспомощно трястись, как в лихорадке, вгрызаться в грязную простыню, но не издать ни звука.

— Армин, извини, что тогда ушёл. Я правда больше не мог остаться, — спокойный, чуть виноватый голос Эрена заставил вздрогнуть и зажмуриться. — Постой… что с тобой? Ты что, плачешь?..

Мир расплывался, терял чёткие очертания — и скорее наощупь Армин отыскал руку Эрена, вдохнул глубже. Не нужно бояться. Эрен не бросит друга, что бы ни случилось. Даже если не готов стать для него чем-то большим. Они могут быть друзьями, почти братьями. А он… он сильный. Выдержит. Должен.

— Соберись, ты же не тряпка, не реви, — успокаивающе бормотал Эрен, гладил вздрагивающую ладонь. И в самом деле — неужто так сложно собраться с силами, прямо высказать всё? Они ведь никогда ничего друг от друга не скрывали. Что толку в бесполезных слезах?! Армин понимал это — и не мог перестать плакать, злясь на себя за подобную слабость. Он бы проклял себя за слабость, оставил бы в одиночестве. Эрен… Эрен не смеялся над ним. Не уходил.

— Я не хочу быть тебе обузой.

Армин ждал любой реакции. Но уж никак не лёгкого подзатыльника.

— Балда. Сколько ещё будешь выдумывать всякую чушь? Ты ведь не дурак вроде, а простых вещей не понимаешь.

Армин потёр затылок и удивлённо посмотрел на друга детства. Тот наклонился к самому уху и заговорщицки шепнул:

— Только не заставляй меня здесь с тобой целоваться, ладно? Что-то мне подсказывает, что вон той дамочке в сером это не

понравится. Она и так на меня недобро косится.

Эрен не лгал, не утешал, переступая через себя. Давящий ком лопнул и испарился, как испаряется кипящая вода. Сомнения… Эрен даже не сомневался. Он готов был принять Армина любым, даже таким слабым и бесполезным, как сейчас. Принять не только как друга, но и как любимого. Так просто… и так сложно понять.

— Что будет, когда меня выставят отсюда?

— Что будет? Ну, для начала, Легион позаботится о том, чтобы подыскать тебе хоть какое-нибудь жильё и работу. Или ты думаешь, что тебя просто бросят помирать? Не надейся, — Эрен ободряюще улыбнулся. — А потом мы прикончим всех титанов и отправимся исследовать внешний мир.

В словах друга звучала столь заразительная уверенность, что слёзы окончательно высохли. Губы Армина чуть дрогнули, выдавая слабую полуулыбку, но глаза оставались серьёзными.

— За стенами я не смогу защитить тебя… больше не смогу. Не хочу однажды услышать, что ты не вернулся.

— Ну, тогда я просто буду всегда возвращаться.

Запах лилий таял в воздухе, казался почти неощутимым. Словно не осталось во всём мире ничего — только рука, за которую хотелось держаться и сегодня, и завтра, и всю оставшуюся жизнь.

— Мы увидим, что там, снаружи. Обещаю.

— Пусть даже не увидим, — Армин сжал жёсткую ладонь крепче, прижал к губам. — Просто постарайся не погибнуть там.

А после они молчали, молчали долго, склонившись друг к другу и столкнувшись лбами. Никаких слов, никаких вымученных признаний. Слишком многое в мире просто невозможно описать словами. Армин и Эрен держались за руки, а где-то в стороне счастливо смеялась малышка Агни, отыскавшая среди выживших своего отца.

Можно отнять у людей многое: семью, дом, даже жизнь. Но есть кое-что, что никогда не истает и не исчезнет в дурманяще-остром запахе ненавистных цветов.

Невозможно отнять надежду.